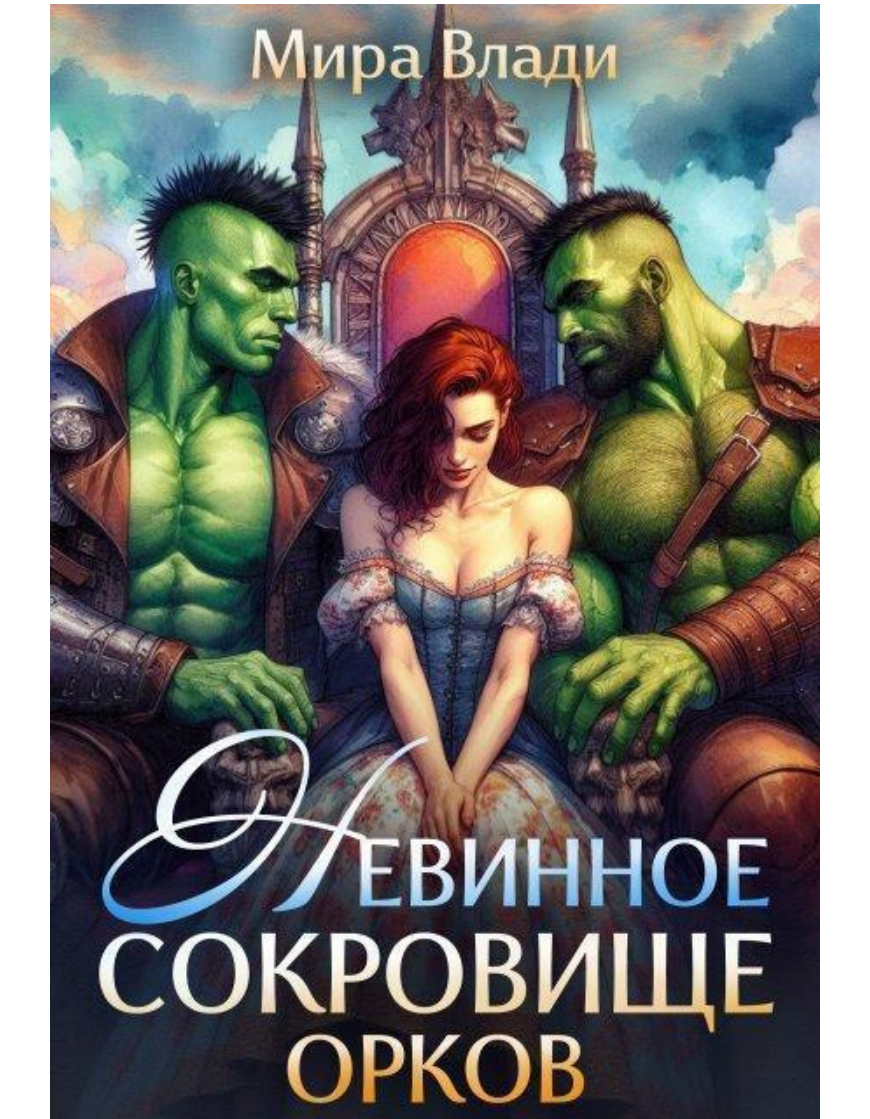

Мира Влади

СЕВИННОЕ
СОКРОВИЩЕ
ОРКОВ

Мира Влади

Невинное сокровище орков

<https://litres.ru/74212848>

Аннотация

Орков всегда считали дикарями — грубыми, опасными, пугающими. Они ничего не спрашивали и брали всё, что хотели. Землю. Власть. Женщин. По крайней мере, так говорили в народе.

Я тоже так считала, пока не сбежала от замужества на Императоре-тиране, которому меня продали родители, и не оказалась среди тех, кого с детства учили бояться.

Таргран, вождь племени, стал моим спасителем. Молчаливый орк с глазами, в которых тлела древняя и дикая сила. Он не тронул меня и стал первым, кто предложил мне выбор.

Потом я встретила Рокара. Хищного и дерзкого вождя, с живым огнём в голосе и руками, в которых хотелось забыться. Он знал, как вывести меня из себя, но всегда вставал на мою сторону. Теперь я принадлежу им обоим.

А Император, униженный моим бегством, жаждет расплаты.

Но я уже не та, что в страхе покорно склоняла голову.

Я — сокровище орков. И если Император хочет забрать меня — ему придется сначала обсудить это с моими мужьями. А с ними лучше не спорить...

Содержание

Приговор судьбы	4
Побег	8
Лаура	13
Орки!	14
Таргран	20
Нерушимое слово	21
Никуда не отпущу...	27
Аргар'тан маш хар'ва	35
Рокар	42
Я его невеста?!	49
Ты мне отвратителен!	57
Поцелуй говорит больше слов	64
Твоя воля — мой закон	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Приговор судьбы

– Нет! Вы не можете так со мной поступить! – крикнула я, чувствуя, как отчаяние сжимает горло. – Он же убийца. Его все ненавидят!

– Лаура, прекрати! – отец повысил голос, но в его взгляде мелькнула тень беспокойства. – Ты же знаешь, мы не можем отказаться. Это приказ самого императора!

– Приказ чудовища! – бросила я резко. – Вы хоть знаете, что он делает с теми, кто ему неугоден? Людей бросают в темницы за малейший проступок! Казни стали ежедневным зрелищем! На улицах царит голод и страх, потому что он все силы бросает на свои войны и развлечения, вместо того чтобы думать о народе!

– Глупое дитя, умоляю тебя, замолчи! – мать схватила меня за руку, с силой сжимая пальцы, в её глазах стоял страх. – Если тебя услышит гонец императора, нас всех казнят за измену! Ты должна быть благодарна. Этот брак спасёт нас от бедности, от нищеты!

– Благодарна за что? За то, что вы продаете меня тирану? – я оттолкнула её руку, пытаюсь сдержать слёзы. – Вы хотите, чтобы я стала его игрушкой, чтобы спала с ним и рожала ему детей, как свиноматка, без любви и согласия?

– Лаура, мы просто хотим лучшей жизни для нас всех, – тихо проговорил отец, отворачиваясь. В его голосе слыша-

лась слабость и обречённость. – Ты должна понять...

– Что понять? Что вы предаёте меня? – выпалила я, едва удерживаясь на ногах. – Я не хочу этой «лучшей» жизни! Я не хочу стать женой человека, от которого вся империя страдает!

– Пророчество гласит иное, – вмешался холодный голос с порога. Мы вздрогнули и обернулись. Гонец стоял в дверном проёме, его чёрный плащ с вышитым императорским гербом казался тенью смерти. Взгляд его был суров и лишен эмоций. – Твоя судьба уже решена. Ты станешь той, благодаря кому проснется магия императора, и той, кто родит ему самого могущественного наследника.

– Нет... – мой голос сорвался в жалкий шёпот. – Это не я... вы ошибаетесь.

– Никакой ошибки быть не может, – жестоко отрезал он. – Через неделю ты отправишься во дворец. Император не терпит отказов.

Гонец развернулся и вышел, хлопнув дверью так сильно, что она чуть не сорвалась с петель. Тишина, последовавшая за этим, была тяжелой, как могильная плита. Отец с матерью молчали, избегая смотреть мне в глаза. Они уже сделали свой выбор. А я чувствовала, как весь мир рушится вокруг, оставляя меня одинокой перед лицом жестокой судьбы.

Я сжала кулаки, ногти впились в ладони. На столе перед нами лежал свиток с золотой печатью императора — тот самый, что принес гонец. Его присутствие отравляло воздух,

словно напоминание о моем плене.

Я схватила свиток, не обращая внимания на возмущенный вскрик матери, и сорвала печать. Буквы, написанные чернилами с золотым отливом, плясали перед глазами: «Лаура из дома Денвери, избранная невеста императора Ксавирона...»

– Почему я? – прошептала я, больше себе, чем им. – Что за магия? Это какой-то абсурд!

Мать шагнула ко мне, ее лицо покраснело от гнева.

– Не смей сомневаться в воле императора! – прошипела она. – Твоя бабка говорила, что в нашей крови есть магия. Мы не верили, но верховный жрец Императора Ксавирона подтвердил. Ты особенная, Лаура, и теперь это наш шанс!

– Ваш шанс, – я швырнула свиток на пол, и он развернулся, обнажая золотую подпись императора. – Вы не родители, вы торгаши!

Отец попытался что-то сказать, но я уже не слушала. Бросилась к двери, чувствуя, как гнев и страх сливаются в одно жгучее желание — уйти от них как можно дальше.

Гонец, не спешивший уезжать и стоявший снаружи, преградил путь, его рука легла на рукоять меча. Я посмотрела ему в глаза, и в моем взгляде, должно быть, было что-то дикое, потому что он помедлил.

– Сейчас же убирайся с моей дороги, – прошипела я. – Или я закричу так, что вся деревня сбежится.

Он отступил, и я выскочила на улицу. Холодный вечерний

воздух ударил в лицо, но я не остановилась. За спиной слышались крики матери и тяжелая ругань отца, но я бежала, пока деревня не осталась позади. Мне нужно было успокоиться и привести мысли в порядок.

Я была одна, и впервые за день это чувство не пугало, а окрыляло. Пусть император Ксавирон ищет себе другую невесту. Лаура Денвери выйдет замуж только по-любви!

Ох, как же наивна я была в этот момент...

Побег

Ночь опустилась на дом, окутывая его тяжелым мраком. Я лежала на узкой кровати, уставившись в потолок, но сон не шел. Бродила по улице до темна, но так и не успокоилась окончательно.

Слова гонца звучали в голове снова и снова, словно смертный приговор. И каждое из них разбивало остатки надежды. Лицо матери, полное жадного восторга, и виноватый взгляд отца всплывали перед глазами, и я сжимала кулаки, чтобы не закричать.

Они предали меня. Продали Императору, как скот, ради золота и титулов. Разве так поступают любящие родители?

Решение пришло внезапно, яркой вспышкой отчаяния и решимости.

Я не собираюсь покорно ждать своей участи. Не стану женой тирана, чьи казни превратили улицы в кошмар и того, из-за одного приказа которого сжигали целые деревни за малейший проступок.

Я не стану их марионеткой.

Осторожно встав с кровати, накинула старый шерстяной плащ, пахнувший сыростью и сеном. В темноте кухни я на ощупь нашла холщовый мешок, сунула в него краюху хлеба, кусок сушеного мяса и флягу с водой — все, что могла унести.

Доски пола скрипнули под ногами, и я замерла, прислушиваясь. Тишина. Родители спали, не подозревая, что вскоре лишатся дочери. Не потому что продали меня, а потому что я так решила.

Сердце билось в груди так громко, что казалось, его слышно на всю округу. Я толкнула дверь, и холодный ночной воздух ударил в лицо. Не оглядываясь, побежала к лесу, надеясь скрыться в его темноте и найти путь подальше от жестокого будущего.

По правде говоря, я не думала, что на этом этапе воплощения своего плана в реальность возникнут сложности. Все же днём я частенько бродила среди этих деревьев, в поиске ягод и лекарственных трав, на которых у моей семьи не было денег. Мне казалось, что я выучила все доступные тропинки наизусть, но...

Ночью лес оказался темнее и страшнее, чем я думала.

Густые кроны деревьев закрывали лунный свет, и я едва различала тропу. Ветки цеплялись за платье, разрывая ткань и царапая кожу, боль от ран смешивалась с паникой и страхом. Каждый шорох заставлял вздрагивать и гадать, что послужило источником этого звука. Ветер? Или дикий зверь, крадущийся в тенях?

Я споткнулась о корень, упала на колени, и грязь залепила ладони.

«Вставай, Лаура», – шептала я себе, смахивая слезы.

Я не могла позволить страху победить. Не теперь, когда

позади остался дом, под крышей которого жили одни лишь предатели.

Бежала, пока легкие не начали гореть, а платье не превратилось в лохмотья. Холод пробирал до костей, но я сжимала мешок, как спасательный круг. Уже не понимала: в правильном ли направлении я двигаюсь? Тропа, определенно, должна была привести меня в соседнюю деревню. Или я ошибалась и, может, перед раскидистым дубом стоило свернуть налево?

Я огляделась, но толку от этого было мало. Стояла такая темень, что мне едва удавалось различить очертания тропы в тусклом свете луны. Но я продолжала двигаться вперед, твердо уверенная в том, что поступила правильно.

В памяти всплыли слова матери: «Этот брак спасет нас от нищеты».

Нищета? Я бы предпочла голодать, чем стать игрушкой тирана. Да я его даже ни разу в жизни в живую не видела! Только на портретах. И даже на них он не показался мне располагающим мужчиной. Разве может быть таковым тот, чьи холодные глаза пронзали душу, а улыбка обещала лишь боль?

Это все гнало меня вроде. Я не вернусь. Никогда.

Вдруг я услышала рычание диких зверей, эхом разносящееся в тишине ночи. Сердце забилося ещё быстрее, ноги заплетались. Я прижалась к шершавому стволу сосны, пытаюсь разглядеть источник звука. В темноте мелькнули желтые

глаза, и низкий рык заставил меня похолодеть.

Волки? Или кто похуже? Охотники в деревне рассказывали о теневых кошках — огромных тварях с когтями, как кинжалы.

Да, пожалуй, то, что я не подумала о средствах самозащиты перед побегом, разрушало мой план до основания.

Не придумав ничего лучше, я схватила с земли первый попавшийся острый камень, сжимая его так сильно, что пальцы побелели.

– Только попробуйте, – прошептала я, но голос дрожал.

Рычание приблизилось, и я сорвалась с места, не разбирая дороги. Ветки хлестали по лицу, оставляя жгучие царапины, корни цеплялись за ноги, но я бежала, словно сам Император гнался за мной. Лес стал ловушкой, лабиринтом, где каждый шаг мог стать последним.

Но в груди горело упрямство, больше похожее на клятву. Я выживу. Не подчинюсь и не стану жертвой их пророчества, жадности и страха. Никогда.

Земля под ногами исчезла. Я не заметила овраг. Ноги подкосились, я вскрикнула, и мир закружился. Камни и грязь ударили по телу, мешок выскользнул из рук, а боль пронзила плечо, как раскаленный клинок. Я пыталась уцепиться за что-то, но пальцы скользили по влажной глине. Удар о дно оврага выбил воздух из легких, и сознание померкло.

Последняя мысль, мелькнувшая в моей голове, была скорее волей моего пылающего упрямства: «Я никогда не стану

слушать тех, кто желает подчинить меня своей воле. Даже если это будет стоить мне жизни!»»

Лаура

Орки!

Тьма отступила медленно, как неохотно рассеивающийся туман, окутывающий лес таинственной дымкой.

Я очнулась от резкой боли в плече — острой, пульсирующей, словно раскаленный клинок пронзил кость. Холод пробирал до костей, проникая сквозь рваное платье, и я с трудом разлепила глаза.

Мир кружился: темные силуэты, факелы, чьи языки пламени трепетали в ночи, и огромные фигуры, склонившиеся надо мной. Густой туман стелился по земле, смешиваясь с запахом сырости и дыма, а грубые голоса, говорящие на незнакомом языке, доносились откуда-то сверху.

Мое сердце замерло, когда я поняла, кто они.

Орки.

Я попыталась отползти, но тело не слушалось. Плечо горело огнем, а ноги казались свинцовыми после падения в овраг. Один из орков шагнул ближе, и я разглядела его: высокий, с длинной косой, свисающей на плечо, и шрамом, пересекающим бровь, словно белая молния на серо-зеленой коже. Его желтые глаза сверкнули недобрым светом, и он что-то рывкнул на своем языке.

Я вздрогнула, ожидая удара. Но другой голос, низкий и властный, как раскат грома, прервал его.

– Хватит, Кроуг. Она не угроза, – сказал он на общем языке.

ке, и я повернула голову, чтобы увидеть говорившего.

Массивный орк с угрюмым лицом и яркими голубыми глазами, словно сияющими в полумраке, смотрел на меня. Его кожа была серо-зеленой, а короткие черные волосы были аккуратно уложены, слегка взъерошены. Густая и ровная борода обрамляла его лицо.

Кожаные доспехи, перетянутые ремнями, обтягивали его широкую грудь, подчеркивая каждый мускул, словно он был высечен из камня. На поясе висел массивный меч, но в его взгляде не было злобы — только настороженность, смешанная с чем-то, что я не могла понять.

От него исходила аура силы, и я почувствовала, как жар поднялся к щекам, несмотря на страх. Его присутствие было... ошеломляющим.

И это страшные орки из деревенских баек?!

– Поднимите ее. Мы забираем ее в лагерь.

– Вождь, она может быть шпионкой, – проворчал Кроуг, его голос был грубым, как наждачная бумага, а взгляд прожигал насквозь. Но под взглядом своего предводителя он замолчал, хотя его глаза все еще горели недоверием.

Вождь. Это, должно быть, Таргран, о котором шептались в деревне, называя его предводителем кочевых орков — наемников и изгоев, чьи имена внушали страх.

Я хотела закричать, сказать, что я не шпионка, что я просто сбежала от Императора, от родителей, от всего, что мне там напророчили, но горло пересохло, и слова застряли.

Два орка подхватили меня под руки, и я зашипела от боли, когда они потащили меня по тропе. Мое рваное платье цеплялось за кусты, а царапины на коже саднили от каждого движения.

Туман вокруг клубился, скрывая тропу, и я чувствовала себя беспомощной, как ягненок в лапах волков. Но взгляд Тарграна, который шел впереди, почему-то не давал мне окончательно утонуть в страхе. Его широкая спина, обтянутая кожаными доспехами, казалась непроницаемой стеной, и я поймала себя на мысли, что не могу отвести глаз от его движений — уверенных, мощных, почти звериных.

Лагерь орков оказался недалеко — круг шатров из шкур, освещенных кострами, чьи отблески танцевали на земле, покрытой тонким слоем тумана. Воздух был пропитан запахом жареного мяса, дыма и чего-то резкого, звериного. Шатры украшали кости и черепа животных, а над лагерем возвышалась грубо вырезанная деревянная статуя волка, чьи глаза из красного камня блестели в темноте.

Орки, мужчины и женщины, смотрели на меня с подозрением, их глаза горели в полумраке, как у хищников, следящих за добычей. Один из них, с татуировкой в виде змеи на шее, сплюнул на землю, проходя мимо, а женщина с длинной косой пробормотала что-то на своем языке, и я уловила слово «человек». Оно звучало как оскорбление.

Меня бросили на шкуру у центрального костра, и жар пламени обдал лицо, но он не мог прогнать холод внутри.

Вождь Таргран подошел ближе, скрестив руки на груди, и я почувствовала, как его взгляд скользит по мне, словно ощупывая каждую царапину, каждую рваную нить на моем платье. Его лицо было суровым, но в нем не было той жестокости, что я ожидала от орков.

Я вспомнила рассказы деревенских: орки — дикари, грабители, не знающие чести. Но этот орк выглядел... иначе. Его мускулы напрягались под кожей, а кожаные доспехи едва скрывали ширину его груди.

Я поймала себя на том, что задержала дыхание, когда он наклонился чуть ближе, и запах кожи и дыма от него ударил в нос, вызывая странное тепло в груди. Что со мной не так? Я должна бояться, а не... чувствовать вот это!

— Кто ты? — спросил он, и его голос был как рокот далекого грома, глубокий и вибрирующий, отчего по коже пробежали мурашки. — И почему бродила одна в лесу, где даже волки боятся охотиться?

Я сглотнула, пытаюсь собраться с мыслями. Его близость нервировала, и я не могла понять, почему. Может, дело в его голосе, который, несмотря на суровость, звучал почти... заботливо? Или в том, как он смотрел на меня, словно видел больше, чем я сама?

Что же делать... Сказать правду? Что я сбежала от родителей, которые хотели продать меня Императору в жены из-за какого-то пророчества?

Они не поверят. Или хуже — решат выдать меня за награ-

ду.

Но молчать было нельзя.

– Моё имя Лаура, – выдавила я, стараясь не дрожать. – Я... сбежала от родителей. Из деревни. Меня хотели... выдать замуж против воли.

Вождь Таргран прищурился, и я почувствовала, как его взгляд проникает глубже, словно он видел мою ложь — или полуправду. Его глаза задержались на моих губах на мгновение дольше, чем нужно, и я почувствовала, как жар заливает щеки.

Он выпрямился, но напряжение между нами осталось, как натянутая струна. А следом — кивнул, словно принимая мои слова, пусть я подсознательно и чувствовала, что он не поверил до конца.

– Она лжет, вождь! – выкрикнул Кроуг, шагнув вперед. Его длинная коса качнулась, и шрам на брови дернулся, когда он нахмурился. – Человечка с такой мордашкой не просто так бегают по лесу. Она приспешница Ксавирона!

Толпа зашумела: орки зашептались, их голоса были полны угрозы. Я сжалась, ожидая худшего, но Таргран поднял руку, и все присутствующие в лагере замолчали. Его движение было резким, но в нем чувствовалась властность, от которой даже Кроуг отступил.

– Если она шпионка, мы это узнаем, – сказал Таргран спокойно, но в его голосе была сталь. – А пока она под моей защитой. Ясно?

Кроуг пробормотал что-то, но отступил, бросив на меня еще один подозрительный взгляд.

Я смотрела на вождя Тарграна, не понимая, почему он защищает меня. Что он увидел во мне, израненной, перепуганной, в лохмотьях вместо платья?

Но его слова дали мне крохотную искру надежды — первую с тех пор, как я покинула дом. И это тепло в груди, вызванное его близостью, не исчезало, а только усиливалось, пугая меня своей силой.

Таргран

Нерушимое слово

Внезапно тишину лагеря разорвал пронзительный детский крик, полный ужаса.

Я повернула голову, и мой взгляд упал на маленькую орчанку, едва старше пяти лет, с тонкими косичками, украшенными костяными бусинами. Она карабкалась по склону у края лагеря, где земля обрывалась в пропасть, окутанную клубящимся туманом. Камень под ее ногой дрогнул, крошась под маленькими босыми ступнями, и она сорвалась вниз.

Мое сердце замерло, дыхание перехватило, а в голове мелькнула мысль: «Она же разобьется».

Но Таргран среагировал мгновенно, действуя словно на инстинктах хищника, почуявшего опасность. Он рванулся к утесу с такой скоростью, что я едва успела моргнуть, прыгнул и поймал девочку за руку в последний момент, удерживая ее над пропастью.

Его массивная фигура напряглась, кожаные доспехи затрещали по швам, натянувшись на широкой спине, а мускулы на его руках вздулись, как канаты, от усилия.

Орки вокруг ахнули, кто-то из женщин прижал руки к груди, а я не могла отвести глаз. Сила, с помощью которой он сумел поймать ребенка, была ошеломляющей, и я невольно залюбовалась — не только его мощью, но и решимостью в

каждом движении.

Он подтянул девочку наверх, поставил на землю и что-то строго сказал ей на своем языке, его голос был низким, но не злым, а скорее наставническим. Девочка, всхлипывая, обхватила его за ногу, уткнувшись лицом в его кожаные штаны, а Таргран неловко погладил ее по голове, его огромная рука казалась слишком грубой для такого нежного жеста.

Я смотрела на него, и что-то внутри меня дрогнуло, как треснувший лед на весенней реке. Этот угрюмый, суровый орк только что рисковал жизнью ради ребенка, даже не задумываясь. В его движении было столько заботы, столько... чести.

Больше, чем я видела в своих родителях, которые продали меня ради золота, не моргнув глазом.

В памяти всплыло лицо матери, ее холодный, расчетливый взгляд и слова: «Ты должна быть благодарна». Благодарна за что? За то, что они отдали меня Императору, как вещь? За то, что моя жизнь, которую они и без того раньше особо не ценили, для них стала разменной монетой?

Таргран, этот чужак, этот орк, которого я должна была бояться, дал мне больше защиты за минуту, чем они за всю мою жизнь. Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком, а глаза щиплет от непрошенных слез. Но я сжала зубы, не позволяя себе расплакаться. Не здесь, не перед ними.

Таргран вернулся к костру, и я почувствовала его взгляд еще до того, как подняла глаза. Его брови слегка нахмури-

лись, но он не отвел глаз, и в этом взгляде было что-то, что заставило мое сердце биться быстрее.

Жар его присутствия обдал меня, как волна, и на этот раз я не могла скрыть дрожь — не от страха, а от чего-то другого, чего я не могла, да и не хотела себе объяснить. Он был так близко, что я чувствовала запах его доспехов — смесь кожи, дыма и чего-то терпкого, звериного, что странным образом не отталкивало, а притягивало.

— Ты ранена, — сказал он, указывая на мое плечо, где кровь пропитала рваную ткань, оставляя липкие пятна. Его голос смягчился, и в нем появилась нотка, которую я не ожидала — забота, почти нежность, от которой внутри сердце затрепетало. — Мы обработаем твои раны. Но скажи, Лаура, куда ты пойдешь теперь? Лес не щадит одиночек, а ты... ты не похожа на тех, кто может выжить в нем одна.

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Куда мне идти? Назад я не вернусь, это бы не имело никакого смысла после всего, через что мне пришлось пройти. В соседнюю деревню? Но будут ли мне там рады, учитывая, что я растеряла все вещи, что прихватила из дома, в лесу, кота убегала от диких зверей в ночи? Стать бездомной странницей, влачащей свою жалкую жизнь?

Даже здесь, среди орков, я была чужой, белой вороной в стае хищников. Я посмотрела на Тарграна, и в его темных глазах мелькнуло что-то, чего я не могла понять — не жалость, не любопытство, а что-то глубже, что заставило меня

чувствовать себя уязвимой, но в то же время... защищенной.

— Я... Мне некуда идти. Если позволишь, я останусь здесь на какое-то время, — тихо проговорила, опуская взгляд на свои руки, покрытые грязью и царапинами. — Ты же сам сказал, что здесь я в безопасности. Я могу на это рассчитывать?

Таргран слегка наклонил голову, и уголок его губ дрогнул в едва заметной улыбке. Первой, что я увидела на его суровом лице.

— Мое слово нерушимо, — ответил он, и его голос был таким низким, что я почувствовала, как он отдается в моей груди. — Но безопасность не значит, что тебе не придется доказать свою ценность. Наше племя — не твоя деревня. Здесь каждый имеет свою роль и старается быть полезным.

Я кивнула, чувствуя, как усталость накатывает тяжелой волной. Мое тело ныло от боли, а веки становились тяжелыми, но страх все еще держал меня в напряжении. Таргран заметил это, и его взгляд смягчился еще больше.

— Сегодня ты можешь поспать здесь, у костра, — сказал он, указывая на шкуру, на которой я сидела. — Я прикажу принести тебе одеяло. Если захочешь уйти, никто тебя держать не станет. Но знай, ночью лес опаснее, чем ты думаешь.

Я не ответила, только в очередной раз кивнула, будучи слишком измотанной, чтобы спорить.

Оркская женщина с длинной косой принесла мне грубое шерстяное одеяло, пахнущее дымом и травами, и я завернулась в него, чувствуя, как тепло костра наконец начинает

прогонять холод из моих костей.

Лагерь постепенно затихал: орки расходились по шатрам, что служили домами этим воинственным существам, кто-то пел низким голосом на своем языке, а где-то вдалеке ухала сова. Туман, окутывающий лагерь, казался живым, он клубился вокруг шатров, отражая свет костров и создавая призрачные тени.

Я легла на шкуру, подложив руку под голову, и попыталась закрыть глаза, но сон не шел. Мысли об Императора, о родителях, о той неизвестности, что ждет меня завтра, кружились в голове, как рой пчел.

Я повернула голову и заметила, что Таргран не ушел. Он сидел неподалеку, всего в паре шагов, скрестив руки на груди и глядя в огонь. Его лицо, освещенное теплым светом костра, казалось высеченным из камня, но в этом свете его черты смягчались.

Он не спал, и я мне подумалось, что он либо сторожит меня, чтобы я не сбежала, либо... оберегает?

От этой мысли стало теплее, но я тут же отогнала ее. Он орк, а я человек. Мы из разных миров. И все же, его присутствие успокаивало, как тяжелый якорь в бушующем море моих страхов.

– Ты всегда это делаешь? – спросила я тихо, не в силах сдержать любопытство. Мой голос прозвучал хрипло, почти шепотом, но он услышал.

Таргран повернул голову, и его темные глаза встретились

с моими.

– Что делаю? – переспросил он, и в его голосе была нотка удивления.

– Сидишь у костра до поздней ночи, – я кивнула на огонь, который потрескивал, выбрасывая искры в ночное небо. – Следишь за мной, потому что не доверяешь мне?

Он усмехнулся, и этот звук был глубоким, почти звериным, но в нем не было насмешки.

– Я вождь, Лаура. Я слежу за всем, что может угрожать моему племени, – он сделал паузу, а затем добавил, чуть тише: – Как и за теми, кого нужно защитить.

Я почувствовала, как щеки снова вспыхнули, и отвернулась, пряча лицо в тени. Его слова могли значить что угодно, но мое глупое сердце решило, что они предназначены мне.

Закрыв глаза, я попыталась унять стук в груди, и наконец провалилась в беспокойный сон, полный теней дикого зверья из леса и низкого голоса, который обещал мне безопасность.

Никуда не отпущу...

Утро ворвалось в лагерь с холодным дыханием сырого тумана, который стелился над землей, цепляясь за шатры, словно призрачная вуаль.

Сквозь тонкую ткань моего шерстяного одеяла пробивался запах жареного мяса, смешанный с горьковатым ароматом тлеющих углей и влажной травы.

Я проснулась, все еще лежа на жесткой шкуре у костра, где последние язычки пламени давно угасли, оставив после себя лишь серый пепел. Шея затекла от неудобного положения, а плечо ныло, как напоминание о вчерашнем падении в овраг.

Потянулась, чувствуя, как холодный воздух кусает кожу, и тут заметила Тарграна. Он сидел совсем рядом, его массивная фигура возвышалась в сером свете рассвета, а кожаные доспехи, покрытые мелкими каплями росы, слабо поблескивали, отражая первые лучи солнца.

Внимательные глаза орка были прикованы ко мне, и в этом взгляде было что-то тяжелое, почти осязаемое, что заставило тепло растечься по моему телу, несмотря на утреннюю стужу.

Он действительно не спал всю ночь, оберегая меня, и эта мысль, такая простая и в то же время пугающая, заставила мое сердце забиться быстрее.

Отвела торопливо взгляд, чувствуя, как щеки вспыхнули

жаром, и попыталась встать, но тело предательски дрогнуло — ноги, все еще слабые после вчерашних испытаний, подкосились.

— Осторожно, Лаура, — низкий и хриплый от бессонной ночи голос, прозвучал так близко, что я невольно вздрогнула.

Таргран протянул руку, и его огромная ладонь обхватила мой локоть с неожиданной мягкостью. Тепло его грубоватой кожи проникло через тонкую ткань платья, и я задержала дыхание, боясь пошевелиться.

— Всё хорошо, — пробормотала я, дрогнувшим от смущения голосом.

Его столь нежное прикосновение, вызвало внутри странную смесь протеста и трепета, из-за чего я отвернулась, чтобы скрыть пылающее лицо.

Лагерь, тем временем, словно оживал. Женщины в грубых туниках растапливали очаги, бросая в огонь сухие ветки, от которых с треском взлетали искры; мужчины, с суровыми лицами чинили оружие, их грубые голоса переплетались с лязгом металла; дети, с зеленой кожей и растрепанными косичками, гонялись друг за другом между шатрами, смеясь так звонко, что это вызывало улыбку и завораживало.

Первые дни в лагере прошли как в тумане. Я просыпалась, ела, бродила между шатрами и чувствовала себя абсолютно бесполезной. Долго так продолжаться не могло, да и я не могла просто сидеть сложа руки. Если уж осталась, то долж-

на была доказать свою пользу, иначе зачем им бесполезная человечка. А идти мне пока было больше некуда. Лес таил много опасностей, домой мне путь закрыт, а на дорогах могли быть патрули.

Как бы я не старалась влиться в их общину, выходило плохо. Обычаи орков были чуждыми мне, выросшей среди людей, но в них была своя дикая красота. Мужчины обменивались грубыми шутками, хлопая друг друга по плечам, а женщины пели низкие, протяжные песни, пока чистили шкуры или плели корзины из ивовых прутьев.

Каждый шатер украшали трофеи — черепа животных с длинными рогами, перья хищных птиц, вплетенные в ткань, и даже когти, подвешенные над входом, словно обереги. Я наблюдала за всем этим с тихим восхищением, пытаюсь впитать их мир, который был так далек от моего.

Орчанка по имени Грэша, крепкая женщина с татуировкой змеи, извивающейся по ее шее, взяла меня под свое крыло. Она показала мне, как готовить их еду — простую, но сытную смесь из жареного мяса, дикого лука и корней, которые они выкапывали из земли.

Сначала я обожглась о раскаленный котел, получив на пальцах красный ожог, испачкала руки в саже, которая въелась в кожу, и чуть не выронила нож, когда пыталась нарезать жесткий корень. А ведь я прекрасно справлялась со всеми дела в своем доме. Никогда не была неумехой или белоручкой.

Но здесь, среди этих сильных орков, чьи традиции и повадки очень отличались от наших, я впервые ощутила себя беспомощной и слабой...

Грэша только хмыкала, глядя на мои неловкие движения. – Человечка слаба, но учится быстро, – сказала она как-то Тарграну на ломаном общем языке, и я решила, что это комплимент.

Я старательно училась месить тесто для лепешек, прислушиваясь к их песням, пока они стучали по барабанам из звериных шкур, создавая ритм, который отдавался в груди.

По орочьим обычаям каждый день начинался с ритуала приветствия солнца, когда они поднимали копья к небу, выкрикивая что-то на своем языке, а женщины раздавали мясо детям, следя, чтобы каждый получил свою долю.

Я не понимала их слов, но видела заботу и уважение в их жестах, и это заставляло меня чувствовать себя чуть менее чужой.

Но настоящим испытанием стала встреча с Тарграном у загонов для варгов. Эти гигантские волки, с густой серой шерстью, слипшейся от утренней росы, и глазами, горящими, как раскаленные угли, внушали мне трепет и страх.

Их низкий рев разносился по лагерю, когда они рыскали вдоль шатров, а запах их мокрой шерсти смешивался с ароматом костров, создавая резкий, почти звериный дух.

Таргран решил, что я должна научиться ездить на одном из них — огромном самце по имени Лунный Коготь, чьи

клыки, острые и длинные, как мои пальцы, блестели в свете солнца.

– Попробуй сесть на него сама, – сказал Тагран спокойно, кивнув в сторону Лунного Когтя.

Голос его был низким, рокочущим, как далекий гром, и от этого звука по моей спине пробежали мурашки.

Я честно попыталась взобраться на спину варга, цепляясь за грубую шерсть. Но мои ноги соскользнули по влажной шерсти, и я бы рухнула на землю, если бы Таргран не подхватил меня за талию.

Горячие и сильные руки сомкнулись вокруг меня с властной уверенностью, и через тонкую ткань платья я ощутила твердость его ладоней.

На мгновение он прижал меня к себе, и я почувствовала опьяняющий запах его тела. Мое дыхание сбилось, и я подняла глаза, встретившись с его взглядом. В них мелькнуло что-то — желание? — но он тут же отпустил меня, словно обжегся.

Сердце мое бешено колотилось в груди. Впервые я испытывала что-то подобное от близости мужчины... точнее орка!

Ладонь Тарграна скользнула ниже, поддерживая меня под бедра, чтобы помочь забраться на спину варга. Мои ноги и руки дрожали, и, когда я наконец оказалась в седле. Таргран вскочил позади меня, его массивное тело заняло место так близко, что я почувствовала жар, исходящий от его тела.

Буквально спиной ощущала твердые напряженные, как натянутые канаты, мышцы его груди. Это заставило мое дыхание сбиться еще сильнее. Он наклонился немного вперед, и его губы оказались так близко к моему уху, что я почувствовала тепло его дыхания, от которого по коже побежали мурашки.

— Держись крепче, Лаура, — прошептал он так низко, что я почувствовала дрожь внизу живота. — Я не дам тебе упасть. Доверься мне.

Варг рванул вперед с внезапной мощью, а Таргран крепче прижал меня к себе, принимая на себя силу каждого скачка. Ветер хлестал по лицу, унося с собой запахи лагеря, и вместо них я ощутила аромат дикой природы, который окутывал меня, как невидимый плащ.

Его движения были плавными, но мощными, и каждый толчок варга прижимал меня к нему еще ближе, так, что я чувствовала тепло его спины и жар бедер через тонкую ткань моего платья.

Я пыталась сосредоточиться на уроке — как держать поводья, как подавлять страх перед зверем, — но мои мысли путались, и я ловила себя на том, что задерживаю дыхание каждый раз, когда рука Тарграна касалась моей, поправляя хватку. Грубые, но удивительно осторожные, пальцы скользили по моим, и от каждого прикосновения по телу пробегала горячая волна.

Мы остановились на холме, где лес расступался, открывая

вид на долину, окутанную утренним туманом. Лунный Коготь тяжело дышал, его бока поднимались и опускались, а я все еще цеплялась за поводья, не в силах разжать руки.

Неторопливо повернула голову и посмотрела в его голубые глаза. В них была смесь гордости и чего-то более глубокого, что заставило мое сердце заколотиться с новой силой.

– Ты держалась лучше, чем я ожидал, – проговорил он мягко. – Но тебе нужно больше уверенности. Попробуй сама, Лаура.

Я кивнула, стараясь игнорировать жар, который поднялся от наших тел, соприкасающихся в седле. Когда я взяла поводья, его рука осталась на моей, его пальцы слегка сжали мои, задержавшись на мгновение дольше, чем нужно, и я почувствовала, как по спине пробежала горячая волна. Он наклонился ближе, чтобы поправить мою хватку, и его дыхание коснулось моей щеки.

– Не торопись, – прошептал он, его губы были так близко, что я могла почувствовать их тепло на своей коже. – Я рядом, если что-то пойдет не так.

– А если я все-таки упаду? – спросила я шепотом, но не от страха перед варгом, а от того, как близко был вождь орков, от того, как его присутствие окутывало меня, словно сеть, из которой я не хотела выбираться.

Таргран улыбнулся, и эта улыбка была медленной, почти хищной, но в ней была и тень чего-то мягкого, чего я не ожидала от орка.

– Я поймаю тебя, – понизился он голос до шепота. – И никуда не отпущу...

Я сглотнула, чувствуя, как его слова опутывают меня, как лианы. Между нами воздух буквально потрескивал от напряжения.

Это был не просто урок езды, а что-то опасное, манящее, от чего я не знала, хочу ли убежать или, наоборот, шагнуть ближе.

Таргран отстранился, его рука медленно соскользнула с моей, оставив после себя холод, который я ощутила острее, чем утренний ветер.

Мы повернули варга обратно к лагерю, но его слова эхом звучали в моей голове, и я понимала, что этот момент изменил что-то между нами — пусть пока лишь на тончайший волосок, но необратимо.

Аргар'тан маш хар'ва

Дни начали обретать ритм, и я постепенно втягивалась в жизнь орков. После утренней скачки с Тарграном на Лунном Когте что-то изменилось между нами — неосязаемое, но осязаемое, как легкое тепло, которое разливалось в груди каждый раз, когда его взгляд задерживался на мне чуть дольше.

Его присутствие стало привычным: массивная фигура у костра, кожаные доспехи, пахнущие дымом и кожей, и те самые темные глаза, которые следили за мной с тихой настороженностью, переходящей в нечто большее. Я ловила себя на том, что ищу его среди шатров, и каждый раз, когда наши взгляды пересекались, мое сердце билось быстрее, а дыхание сбивалось, как будто воздух между нами становился гуще.

Однажды утром, когда туман еще клубился над землей, а запах жареного мяса и травяного настоя наполнял лагерь, Таргран подошел ко мне у очага, где я месила тесто под присмотром Грэши. Его тень упала на меня, и я подняла глаза, встретившись с его взглядом. Он стоял так близко, что я ощутила тепло, исходящее от его тела, и запах его кожи — дикий, с нотами трав и металла, — который заставил мою кожу покрыться мурашками. Шрамы на его лице, освещенные утренним светом, придавали ему суровую, но притягательную красоту.

– Ты должна знать наш язык, Лаура, – сказал он, его голос был низким, с хрипотцой, от которой по спине пробежала дрожь. – Если останешься, тебе нужно понимать нас. Хочешь учиться?

Я кивнула, чувствуя, как тепло его внимания обволакивает меня. Дождавшись, когда я закончу с тестом, он позвал меня к стулу и присел рядом, его массивное тело заняло место так близко, что его бедро почти касалось моего. Его рука, грубая и теплая, взяла мою, направляя ее к куску угля, лежащему рядом с очагом.

– Это будет твой первый урок, – прошептал он, наклоняясь ближе, и его дыхание коснулось моей шеи, вызывая волну жара. – Пиши за мной. «Крагх'ва» — значит «сила». А «Шгра'кар» — «семья».

Я старательно выводила углем неровные знаки на плоском камне, чувствуя, как его пальцы слегка сжимают мои, направляя каждое движение. Его прикосновение было осторожным, но властным, и каждый раз, когда его кожа касалась моей, по телу пробегала искра, заставляя меня задерживать дыхание.

Он учил меня словам: «Варх'гул» — «огонь», «Зар'тха» — «вера», и каждый раз его голос, глубокий и ритмичный, звучал так, что я ловила себя на мысли, как бы хотелось услышать его шепот ближе к уху. Его борода, заплетенная в косички с костяными бусинами — символом его статуса вождя, — слегка касалась моего плеча, когда он наклонялся,

и это невольное соприкосновение заставляло мое сердце колотиться.

Дни шли, и уроки становились все более личными. Мы сидели у костра по вечерам, когда лагерь затихал, а орки собирались вокруг, рассказывая истории о своих предках, сопровождая их ударами барабанов из шкур варгов. Таргран учил меня фразам, объясняя их значение. Однажды он попытался рассказать шутку, и это стало поворотным моментом.

– Слушай, Лаура, – начал он, его голос был серьезным, но в глазах мелькнула искра. – У нас есть поговорка: «Когда варг падает в реку, он винит луну». Это значит, что глупец всегда ищет оправдания, – он замялся, явно пытаясь перевести тонкости, и его брови сошлись в комичной гримасе. – Но... иногда варг просто объедается медового корня, из-за чего и спотыкается!

Я уставилась на него, не сразу уловив смысл, но когда до меня дошло — образ пьяного варга, шатающегося от медового корня, — из груди вырвался смех. Первый настоящий смех с тех пор, как я покинула дом. Звук был неожиданным даже для меня самой, звонким и свободным, и я прикрыла рот рукой, пытаясь остановиться.

Таргран смотрел на меня, его лицо сначала напряглось, но потом смягчилось, и уголок его губ дрогнул в улыбке — редкой и теплой, от которой мое сердце сжалось. Вокруг нас мерцал свет костра, отблески пламени играли на его лице, подчеркивая каждую черту, каждый шрам, придавая ему од-

новременно суровый и невероятно притягательный вид.

Наши взгляды встретились, и я почувствовала, как смех стихает, сменяясь чем-то совершенно иным — глубоким, волнующим и одновременно пугающим.

Таргран тихо кашлянул и посмотрел в сторону, словно смутился этой неожиданной близости. В воздухе повисла напряженная тишина, полная невысказанных слов и осторожных прикосновений взглядов. Его рука, лежащая на колене, слегка дрогнула, и я заметила, как его пальцы сжались, будто он сдерживал желание сделать что-то.

— Научи меня еще чему-нибудь, — попросила я, пытаюсь разрядить обстановку, но мой голос дрогнул, выдавая истинные чувства, которые бурлили внутри — смесь страха и влечения.

Он повернулся обратно ко мне, его глаза вновь серьезные и глубокие, но теперь в них теплилось что-то новое — тепло, которое отзывалось эхом в моей груди.

— Например? — спросил он, его голос стал чуть ниже, и я почувствовала, как он тянет меня к себе, как магнит.

— Например, как сказать... «Ты мне нравишься», — решила я неожиданно для себя, и сердце мое пропустило удар, пока слова висели в воздухе, уязвимые и смелые.

Таргран на мгновение застыл, словно мои слова застали его врасплох. Затем он медленно наклонился ближе, его лицо оказалось в опасной близости, и я ощутила жар его дыхания на своих губах. Его голос стал тихим и чуть хрипловатым.

тым, пропитанным чем-то, что заставило мои колени задрожать.

— Это звучит так: «Аргар'тан маш хар'ва», — прошептал он, и каждое слово было как удар сердца, отдающийся во мне.

Я повторила за ним медленно, каждое слово казалось теперь бесценным даром, пропитанным его теплом.

— Аргар'тан маш хар'ва.

Таргран кивнул, едва заметно улыбнувшись. Его глаза снова потемнели, а взгляд стал таким пронзительным и внимательным, что я почувствовала жар, охвативший все тело.

Он осторожно поднял руку, словно собираясь коснуться моей щеки, и его пальцы зависли в воздухе, совсем близко от моего лица, дрожа от сдерживаемого желания. Я ощутила тепло, исходящее от его кожи, и это было почти невыносимо — я хотела, чтобы он прикоснулся, но в то же время боялась этого шага.

— Лаура, — голос его был чуть слышен, но полон такой нежности, что дыхание мое сбилось. — Ты уверена, что хочешь научиться и тому, что следует за этими словами?

Я осторожно кивнула, глядя прямо ему в глаза, чувствуя, как каждая клеточка моего тела отзывается на его близость, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего движения.

— Очень, — прошептала я, и мои губы задрожали от напряжения.

Он медленно коснулся моей щеки, едва ощутимо проведя

по ней пальцами, и это простое движение показалось мне таким нежным, что я невольно закрыла глаза, отдаваясь этому легкому, почти невесомому прикосновению. Его пальцы были теплыми, шероховатыми от шрамов, но в этом прикосновении было столько заботы, что я почувствовала, как внутри разливается тепло, смягчая старые раны.

– Аргар'тан маш хар'ва, Лаура, – тихо прошептал он снова, и это прозвучало уже не просто уроком, а признанием, полным искренности и тепла, от которого я задрожала.

Его голос обволакивал меня, как пламя костра, и я ощутила, как его дыхание смешивается с моим, создавая интимную связь, от которой по телу пробежала дрожь.

Открыв глаза, я увидела, что он все еще внимательно смотрит на меня, и в этом взгляде читалась робкая, осторожная надежда, смешанная с голодом, который он пытался скрыть.

Мы оба замерли, осознавая, что сейчас между нами происходит что-то очень важное и хрупкое, и никто из нас не решился нарушить этот момент словами. Его рука осталась на моей щеке, и я почувствовала, как его большой палец слегка погладил мою кожу, вызывая новую волну тепла.

Я инстинктивно наклонилась ближе, и наши лица оказались в опасной близости — достаточно, чтобы я ощутила запах его кожи и тепло его губ, но недостаточно, чтобы преодолеть последний барьер.

Ночь укрыла нас своим темным покрывалом, и я поняла,

что впервые за долгое время не чувствую ни страха, ни одиночества. Лишь странную, тихую радость от того, что рядом был он,

Таргран — этот суровый орк, чьи шрамы рассказывали о битвах, а прикосновения — о заботе. Его глаза держали меня, как магнит, и в этот момент, когда его дыхание смешалось с моим, я ощутила, как сердце бьется в унисон с его, обещающее что-то большее, что могло начаться...

Если бы не тень, мелькнувшая в свете костра, что заставила нас обоих резко отстраниться.

Рокар

Эта тень оказалась не случайной — к нам стремительно приближался один из воинов Тарграна. Когда остановился возле нас, его грудь вздымалась от быстрого бега, а на зеленом лице, покрытом тонкими шрамами, застыло напряжение. Орк что-то быстро заговорил на их родном языке, и хотя я ещё с трудом понимала отдельные слова, мрачное и серьёзное выражение, появившееся на лице вождя племени, говорило само за себя.

Таргран резко поднялся, глаза его потемнели, и я ощутила, как тепло и нежность, которые только что окутывали нас, сменились тяжёлой тревогой. Он бросил на меня короткий взгляд, наполненный невысказанными обещаниями и беспокойством, и кивнул в сторону лагеря.

– Племя Рокара пришло, – произнёс он низким голосом, так медленно, словно специально подбирал слова. – Мы иногда торгуем с ними. Посиди пока в шатре, Лаура. Тебя не должны увидеть.

В его словах, в этом строгом, почти приказном тоне, я уловила нечто неожиданное — ревность? Она была едва заметна, словно легкий ветерок, всколыхнувший листву, но я почувствовала, как мое сердце дрогнуло от этой мысли.

Неужели Таргран, этот суровый вождь, чьи руки могли одним движением разорвать шкуру варга, а голос заставить

замолчать весь лагерь, мог испытывать такое человеческое чувство?

Эта мысль, такая простая и в то же время волнующая, заставила мои щеки вспыхнуть жаром, а дыхание сбиться. Но я не успела ничего ответить — он уже повернулся, его широкая спина, обтянутая кожаными доспехами, удалялась в темноту лагеря, оставляя меня в смятении.

Любопытство смешалось с беспокойством и первое победило. Я поднялась, стараясь двигаться бесшумно, словно мышка, крадущаяся в тени, и последовала за ним. Трава под ногами была влажной от вечерней росы, и холод пробирал сквозь тонкие подошвы моих сапог, но я не замечала этого — все мои мысли были заняты тем, что ждало впереди.

Осторожно спрятавшись за старым дубом, я оказалась на окраине лагеря, где шатры расступались, образуя небольшую площадь, освещенную яркими факелами. Там уже расположилось другое кочевое племя.

Их лагерь был меньше нашего, но намного шумнее и оживлённее — громкие голоса, раскаты грубого смеха и металлический звон оружия создавали атмосферу одновременно праздничную и напряжённую. Орки с суетой выгружали мешки с оружием, шкурами и украшениями, выставляя свои товары на показ.

В центре всего этого шума находился вождь племени, по-видимому, тот самый Рокар. Я замерла, невольно разглядывая его и чувствуя, как в груди возникает неприятное волне-

ние.

Он был высок, широкоплеч и необычайно силён. Мускулистое тело облекали доспехи из толстой кожи, идеально сидящие на его мощной фигуре и украшенные металлическими заклёпками. Коротко стриженные черные волосы были аккуратно уложены назад, открывая строгие, четкие черты лица, в которых было что-то хищное, почти звериное.

Бронзово-зелёная кожа вождя переливалась в свете огня, а ярко-зеленые глаза горели дерзкой, вызывающей самоуверенностью. Лицо его украшали темные полосы боевой раскраски — угольные линии, проведенные с дикой небрежностью, добавляли ему еще больше первобытной притягательности, словно он был не просто орком, а воплощением дикой природы, необузданной и опасной.

Рокар стоял у большой деревянной кадки с водой, его массивные руки с легкостью вычерпывали пригоршни, и он, ничуть не смущаясь присутствием других, умывался, расплескивая воду вокруг себя. Капли стекали по его бронзовой коже, оставляя блестящие дорожки, которые подчеркивали каждый мускул, каждый изгиб его тела.

Его смех, громкий и развязный, разносился над лагерем, словно раскат грома, а движения были полны уверенной, наглой силы, от которой нельзя было отвести взгляд.

Когда к нему подошла молодая, стройная орчиха, с длинной косой, украшенной перьями, протягивая полотенце из грубой ткани, он ухмыльнулся, его зеленые глаза блеснули

хищным огоньком.

Небрежно взяв полотенце, он вдруг с явным удовольствием смачно шлепнул ее по ягодицам. Девушка мгновенно вспыхнула, ее зеленые щеки покрылись багровым румянцем, но она игриво улыбнулась ему в ответ, бросив кокетливый взгляд, полный заигрывания, и поспешила прочь, покачивая бедрами. Рокар и его орки разразились громким гоготом, их голоса слились в грубую какофонию, от которой у меня внутри все сжалось.

Это зрелище возмутило меня до глубины души. Какой нахал! Такой вызывающий, дерзкий и бесстыжий, что мне захотелось тут же развернуться и уйти, лишь бы не видеть его самодовольной ухмылки. Если бы Таргран вел себя так же, если бы он позволил себе подобную вульгарность, я бы ни минуты не осталась рядом с ним — сбежала бы, не оглядываясь, несмотря на все тепло, что он мне подарил.

Но, несмотря на все это, я не могла не заметить, насколько красив был Рокар. Его фигура, словно высеченная из камня древним мастером, четкие скулы, обрамленные боевой раскраской, и те зеленые глаза, что, казалось, могли прожечь насквозь, притягивали взгляд с какой-то первобытной, почти животной силой. Я поймала себя на том, что задержала дыхание, и тут же отвела взгляд, чувствуя, как щеки заливают жар стыда за собственные мысли.

– Осторожнее с ним, – тихий голос Тарграна прозвучал почти у самого моего уха, и я вздрогнула от неожиданности,

едва не вскрикнув.

Мое сердце подпрыгнуло в груди, а дыхание сбилось, когда я повернулась и встретила с его внимательным, серьезным взглядом. Он стоял совсем близко, его массивная фигура возвышалась надо мной. В его голубых глазах, глубоких, как небо, я увидела тревогу, но за ней скрывалось что-то еще — тень собственнического инстинкта, который он пытался скрыть.

– Рокар любит играть на эмоциях посторонних, проверяя чужие границы дозволенного. Держись от него подальше. Я поэтому попросил тебя пойти в шатер. Для твоей же безопасности.

Его слова, произнесенные с такой твердостью, но в то же время с мягкостью, предназначенной только для меня, заставили мое сердце сжаться. Я вдруг поняла, что его просьба уйти в шатер была не просто приказом — это была забота, окрашенная страхом за меня, за ту хрупкую связь, что начала зарождаться между нами.

Я посмотрела на него, чувствуя, как внутри разливается тепло.

– Он просто грубиян и наглец. С радостью откажусь от встречи с таким, как он, – ответила я тихо, стараясь, чтобы голос прозвучал равнодушно, но в нем все равно проскользнула нотка дрожи, выдавая мои истинные эмоции. Я не хотела, чтобы Таргран заметил, как Рокар, несмотря на все свое хамство, вызвал во мне невольное восхищение — не его по-

ведением, а исключительно внешней притягательностью.

Таргран кивнул, его лицо оставалось серьезным, но в его взгляде мелькнула едва уловимая искра облегчения, словно мои слова сняли с его плеч невидимый груз. Он слегка коснулся моей руки — всего на миг, но это прикосновение, осторожное, почти невесомое, словно крыло бабочки, вызвало во мне трепет, от которого по телу пробежала горячая волна.

Его пальцы, грубые от шрамов, но такие теплые, задержались на моей коже чуть дольше, чем нужно, и я почувствовала, как внутри все сжалось от этого простого, но такого значимого жеста.

– Я не позволю никому причинить тебе вред, – сказал он еще тише, но с такой уверенностью, что я сразу же поверила.

Его голос, низкий и глубокий, словно рокот далекого водопада, окутывал меня, как мягкий мех, и я почувствовала, как раздражение, вызванное Рокаром, окончательно растворяется, уступая место теплу и благодарности. Таргран был моей защитой, моим якорем в этом диком мире, и его слова, его присутствие наполняли меня тихой уверенностью, что я не одна.

Но стоило мне вновь поднять глаза, как мой взгляд невольно наткнулся на Рокара. Он стоял чуть поодаль, вытирая лицо полотенцем, и вдруг повернулся в мою сторону. Его голубые глаза, холодные и пронзительные, поймали мой взгляд, и на его лице медленно расплылась наглая, мнозна-

чительная улыбка, от которой у меня внутри все похолодело.

Он смотрел на меня так, словно я была добычей, которую он уже решил заполучить, и эта дерзость, это хищное внимание заставили мое сердце забиться быстрее — не от влечения, а от тревоги, смешанной с предчувствием чего-то нехорошего.

Напряжение, словно тугая струна, натянулось внутри меня, предупреждая о том, что этот самоуверенный вождь может принести куда больше проблем, чем просто раздражение.

Я его невеста?!

Я молча кивнула Тарграну и последовала в свой шатер, но взгляд Рокара, холодный и хищный, сверлил мою спину, даже когда я отвернулась.

Лагерь погрузился в суету. В воздухе витал резкий запах дыма, смешанный с ароматом жареного мяса. Кто-то разводил огонь, потрескивающий и выбрасывающий искры в темнеющее небо, кто-то точил оружие, скрежеща предназначенным для этого дела камнем по клинку, кто-то стучал котелками, гремя металлом о металл.

Я же старалась не встречаться взглядом ни с кем. Мне хотелось поскорее скрыться в безопасной тени своего шатра, спрятаться от всего этого шума и напряжения, что сгущалось вокруг меня, как предгрозового воздух.

Вошла в шатер, откинув грубый полог, пропитанный запахом кожи и травяного дыма. Внутри было сумрачно, лишь слабый свет от далекого костра пробивался сквозь волокна ткани, отбрасывая дрожащие тени на стены.

Опустившись на шкуру, служившую мне ложем, я закрыла глаза, пытаясь унять бурю в груди. Сердце все еще колотилось, отголоски слов Тарграны смешивались с тревогой, вызванной дерзким взглядом Рокара.

Этот орк, с его хищной уверенностью и наглой улыбкой, вызывал во мне смесь отвращения и невольного восхище-

ния, и это пугало меня больше, чем я готова была признать.

Время тянулось медленно, ночь опустилась на лагерь, укутав его черным бархатом, усыпанным редкими звездами, которые мерцали, словно далекие глаза, следящие за землей.

В этот момент ко мне и заглянула Грэша. Ее огромная тень, упала на полотно шатра, подсвеченная тусклым светом факела. Она стояла в проеме, вытирая руки о фартук, испачканный сажей и жиром, и ее голос, низкий и усталый, резанул тишину.

– Лаура, нам нужна помощь, – сказала она, ее глаза, окруженные морщинками, смотрели на меня с мольбой, в которой не было ни укора, ни давления, лишь простая, почти материнская просьба. – Рокар и его племя решили остаться на дольше, чем планировали, и затеяли общий ужин. Все вышло спонтанно, дел невпроворот — еды мало, столы не готовы, а лишние руки пригодятся. Поможешь?

Я неуверенно кивнула. Ведь не хотела сейчас выходить, ведь обещала Тарграну сидеть у себя в шатре, укрыться от чужих глаз, от возможной опасности, которую он предвидел. Но в голосе Грэши звучала такая простая необходимость, такая искренняя нужда в помощи, что я не могла ей отказать. Эти орки приняли меня, дали мне кров и тепло, и я чувствовала себя обязанной, даже если страх шептал мне остаться в шатре.

– Конечно, помогу, – улыбнулась ей.

Мы вышли в прохладную ночь. В центре лагеря уже суети-

лись орки, их движения были быстрыми, почти лихорадочными, словно они готовились к празднику, а не к простому ужину. Длинные деревянные столы, потемневшие от времени и покрытые царапинами, словно шрамами, уже расставляли в ряд, и на них громоздились миски с кореньями, куски дичи, еще шипящие от жара, и грубые лепешки, испеченные впопыхах, с неровными краями, пахнущие мукой и дымом.

Я взяла в руки глиняную посуду и присоединилась к работе. Мои движения были неловкими, пальцы озябли, но тепло очага, трещавшего неподалеку и выбрасывающего в воздух золотые искры, постепенно согревало меня, возвращая рукам чувствительность.

Пока я помогала другим орчанкам расставлять глиняную посуду, раскладывать мясо и хлеб, приносить тяжелые котлы с варевом, от которого поднимался густой пар с ароматом трав, мои мысли витали совсем не вокруг еды.

Проходя мимо большого шатра, откуда доносились приглушенные мужские голоса, я невольно замедлила шаг. Меня словно потянуло туда магнитом, невидимая сила влекла меня ближе, к этим звукам, к тайне, что скрывалась за грубой тканью.

Я остановилась, сердце забилось чаще, будто предчувствуя что-то важное, что-то, что могло изменить все. Внутри говорили на общем языке, что само по себе было странным — возможно, для взаимопонимания между племенами, чтобы ни одна сторона не чувствовала себя уязвимой. Я уловила

знакомое имя — император Ксавирон — и замерла, как вкопанная, словно ледяная вода окатила меня с ног до головы.

Инстинкт самосохранения заставил меня отступить в тень шатра, и я прижалась к холодной парусине, спрятавшись за стопкой мешков с зерном, которые пахли сухой травой и пылью. Мое дыхание стало тяжелым, я старалась не выдать себя, но пульс гремел в ушах.

– ...говорю тебе, он не успокоится, – раздался резкий, вспыльчивый голос Рокара, полный неконтролируемой ярости, словно вулкан, готовый извергнуться, и каждое его слово было пропитано ненавистью. – Девка эта сбежала прямо перед церемонией, и теперь он шлет своих гонцов повсюду. А она исчезла, будто сквозь землю провалилась. Но он не отступит. Он ищет её.

– Ты думаешь, она у нас? – спокойно и холодно отозвался Таргран.

Его сдержанный голос отдавал стальными нотками, но за этой твердостью я уловила тень тревоги, которую он пытался скрыть, словно туча, мелькнувшая на ясном небе.

– Ну ты же еще не сошел с ума, чтобы подвергнуть свое племя опасности и приютить сбежавшую невесту императора? – хмыкнул Рокар в ответ, но в его тоне мелькнула тень издевки, острой, как лезвие. – Хотя интересно, что человеческая женщина делает в твоём племени, учитывая, как близко вы недавно были от тех земель, где пропала невеста Ксавирона...

– Эта девушка — моя невеста. Она не имеет никакого отношения к нему, – жестко отрезал Таргран, и его слова просто поразили меня.

Я замерла, чувствуя, как кровь отхлынула от лица, а дыхание перехватило, словно кто-то сдавил мне горло. Невеста? Его невеста?

Невольно прижала руку к груди, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Как он мог сказать такое? Мы с Тарграном... да, между нами было тепло, близость, которая росла с каждым днем, но невеста?

Это слово, такое значимое, обрушилось на меня, как каменная глыба, и я почувствовала, как щеки вспыхнули жаром, а в душе закружился вихрь из удивления, смущения и чего-то еще — робкой, едва уловимой радости, которую я тут же попыталась подавить.

Он сказал это, чтобы защитить меня, или... или не только для этого? Мысли путались, сталкиваясь друг с другом, как волны в бурном море, и я едва не пропустила продолжение разговора.

– Хорошо, если так. Тебе ведь прекрасно известно, каков он, – голос Рокара стал жестче, яростнее, словно он с трудом сдерживал гнев, готовый вырваться наружу. – Этот змей в человеческой шкуре никогда не нуждался в поводе. С тех пор как его отец сгинул, он только и делает, что мстит. Император Ксавирон всегда ненавидел орков — всю нашу кровь, наши земли, наши традиции и силу. А теперь... теперь он

в ярости. Еще и его колдун, называющий себя верховным жрецом, нагадал, что невеста его у орков. Таргран, Ксавирон сжёг деревню Мра'тхан до тла. Твоих соседей. А за три луны до того он разбил Клан Горных Воинов. Целое племя, стертое с лица земли. Я видел пепел, Таргран, я слышал крики тех, кто выжил, — их было так мало, что их можно пересчитать по пальцам одной руки!

Голос Рокара дрожал от гнева, и я слышала, как он стукнул кулаком по столу, отчего посуда зазвенела, а его орки заворчали в одобрение, их голоса слились в угрожающий гул, от которого по спине пробежали мурашки.

— Если мы не объединимся, он вырежет нас по одному. Сперва торговые стоянки, потом окраины, а после возьмется за племена побольше. Он не успокоится. Не забудет. Ксавирон будет искать эту девчонку и параллельно вырезать нас с удовольствием.

Наступила тишина, тяжелая, как каменная плита, готовая раздавить меня своим весом. Я почти не дышала, прижавшись к парусине шатра, сердце в груди колотилось так сильно, что, казалось, его должен был слышать весь лагерь. Мои пальцы впились в ткань, а мысли закружились в хаосе, как осенние листья, подхваченные ветром.

Ксавирон... он ищет меня. Я — та самая сбежавшая невеста, и теперь из-за меня орки в опасности. Но слова Тарграна — «эта девушка, моя невеста» — все еще звучали в моей голове, добавляя к страху новый оттенок, теплый и пугаю-

щий одновременно. Я не могла понять, что он имел в виду, но это признание, пусть и сказанное в пылу спора, зажгло во мне искру.

– Даже если ты прав, даже если Ксавирон идёт на нас... ты думаешь, два племени смогут противостоять его армии? – голос Тарграна прозвучал глухо. – Большинство орков скорее перегрызут друг другу горло, чем сядут за один стол. Мы сами себя уничтожим, раньше чем он успеет послать армию. Союз — это не только сила, но и огромные риски. Многие ради своей выгоды легко продадут нас тому же Ксавирону. Нам нужно время, чтобы убедить другие племена, найти тех, кто не захочет драться друг с другом. Дать им цель для объединения, какие-то обещания и гарантии.

Его слова были холодны, но логичны, и я почувствовала невольное уважение к его рассудительности, контрастирующей с горячностью Рокара. Но тот не унимался.

– Тогда предложи своё решение, – огрызнулся он, его голос взвился, полный презрения. – Или молчи и жди, пока тебя и твоё племя настигнут клинки императорской армии! Я не собираюсь сидеть сложа руки, пока этот бледнолицый слизняк сжигает наши земли!

Я услышала, как кто-то подошел к шатру. Быстрые шаги, тяжелые, как поступь варга, гулко отдавались в земле. Мгновенно сжалась, пригнулась и отошла прочь, как тень, скользя обратно туда, где суeta ужина была в самом разгаре.

Пламя костра, запах мяса и смех заглушили страх, но он

остался во мне, холодным узлом, стягивающим грудь, словно железные оковы. Я вернулась к столам, машинально раскладывая лепешки, но руки дрожали, а перед глазами стоял образ Ксавирона.

Его жестокое лицо, которое я видела лишь однажды на портрете, но которое врезалось в память, как клеймо, его глаза, полные ярости, его руки, обгаренные кровью тех, кто осмелился ему противостоять.

Император Ксавирон всё ещё ищет меня. Он не сдался. И теперь он угрожал не только мне. Он угрожает и оркам, которые дали мне дом, защиту, тепло. А слова Тарграна... они звенели в моей голове, как колокол, вызывая бурю чувств — от страха до смущения, от вины до робкой надежды. Страх смешивался с виной, и это чувство жгло, как раскаленный уголь, оставляя горький привкус на языке, а в груди зарождалось новое, хрупкое тепло, которое я боялась назвать.

Ты мне отвратителен!

Наконец, суета у столов начала угасать.

Глиняные миски, выскобленные до блеска, стояли в аккуратных рядах, котлы опустели, а воздух, пропитанный ароматами еды и трав, смешался с дымом, струящимся к темному, бархатному небу, усыпанному редкими звездами.

Я вытерла пот с висков тыльной стороной ладони, чувствуя, как усталость, тяжелая и вязкая, словно смола, стекает по плечам, сковывая движения. Во время работы я перехватила на ходу кусок теплой лепешки, пропитанной соком дичи, и половину миски густой похлебки, проглотив их с трудом. Из-за большого количества тревожных мыслей, аппетита не было.

Сейчас я мечтала лишь о покое. И о том, чтобы смыть с себя налипшую пыль и капли жира, что оказались на одежде из-за работы на кухне., Словно это бы помогла избавиться от тревог и суеты, чтобы обуревали мою душу.

Вода звала меня, как ласковая рука матери, обещающая утешение — горячие источники в пещере, недалеко от лагеря, были тайным приютом, где можно было забыть о мире.

Из главного шатра, материал которого был полностью сшит из шкур хищных животных, едва сдерживали приглушенные голоса, вышли вожди.

Таргран появился первым, его высокая фигура казалась

высеченной из гранита, а взгляд, глубокий и задумчивый, был устремлен в землю, словно он нёс на себе груз невысказанных решений. За ним следовал Рокар, чья мощная поступь отдавала первобытной силой, даже несмотря на усталость — его бронзово-зеленая кожа блестела в свете факелов, а глаза горели неукротимым огнем.

За ними потянулись орки обоих племен, их голоса сплетались в гулкий хор — смех, лязг оружия и топот ног, возвращая притихший лагерь к жизни. Все устремились к столам, где уже разливали густой эль, источающий терпкий аромат, и раздавали остатки ужина.

Я решила не присоединяться к ним. Мышцы ныли от долгой работы, а сердце все еще дрожало от услышанного — слов Тарграна о том, что я его невеста, и угроз Ксавирона, что нависали над нами, как дамоклов меч, готовый упасть в любой момент.

Выждав наилучший момент, чтобы уединиться, я взяла факел, чье пламя трепетало, отбрасывая золотистые блики на мои усталые руки, перекинула через плечо грубое полотенце, пахнущее травяным настоем, и направилась в сторону купальни.

Путь пролегал через тонкую тропу, извивающуюся между камней, покрытых мягким мхом, что пружинил под ногами, а воздух становился теплее, наполняясь влажным ароматом минералов и легкой примесью серы, обещающей исцеление.

Войдя в пещеру, я ощутила, как теплый пар коснулся ко-

жи, обволакивая и смягчая усталость. Внутри было тихо. Звуки лагеря — лязг, крики, топот — растворились, уступив место легкому журчанию воды, мелодии капель, падающих со сводов пещеры, и клубящемуся пару, что делал воздух почти плотным, как вуаль.

Я поставила факел в углубление в скале, и его свет отразился на влажных стенах янтарным бликом, превращая пещеру в святилище из света и тени. Пар ласкал кожу, и я, поддавшись этому зову, начала стягивать тунику, сбрасывая ее на гладкий камень, под которым таилось тепло земли.

Распустила волосы, и они, тяжелые и слегка влажные, свободно упали на плечи, касаясь кожи, как шелковая завеса. Оставшись в одном нижнем белье, я потянулась к завязкам, когда позади послышался хриплый, насмешливый голос, пропитанный ядом.

— Ну-ну... а я-то думал, что у вас, людей, другие обычаи. Как минимум, что вы не оголяетесь посреди священных источников, — слова Рокара, пропитанные издевкой, ударили по мне, заставляя замереть.

Что он здесь делает?

Я резко обернулась, и в груди что-то оборвалось, словно тонкая нить. Сердце забило в горле, а кожа покрылась мурашками, предательски выдавая мое смятение.

Рокар стоял прямо на входе в пещеру. Его силуэт, темный и массивный, вырисовывался в свете факела, как тень из кошмара, и казался еще более грозным в этом тесном

пространстве. Бронзово-зеленая кожа переливалась, отражая янтарные блики, а зеленые глаза, живые и наглые, впились в меня с жадным любопытством.

Его взгляд медленно скользил по моей фигуре, задерживаясь на изгибах тела, которые я тщетно пыталась прикрыть. Мои щеки тут же полыхнули стыдливым жаром, смешанный с гневом и странным, непрошеным возбуждением, что пробежало по телу, как электрический разряд.

– Убирайся! – прошипела я, прикрываясь рукой, в другой сжимая полотенце так крепко, что пальцы побелели. Голос мой дрожал от ярости, но в нем сквозила нотка страха, которую я не могла скрыть.

Я не собиралась церемониться с ним, пусть даже он и был целым вождем. Пожив среди орков некоторое время, я уже прекрасно была знакома с их более простой манерой общения, что была лишена человеческой изворотливости и славила исключительной прямолинейностью.

– Вот только не делай вид, будто ты не знала, что в это место могут нагрянуть и другие, – ухмыльнулся он, обнажая острые клыки, и шагнул ближе, его движения были плавными, как у хищника, подкрадывающегося к добыче. – Или ты, наоборот, на это и рассчитывала? Может, ждала меня?

Шагнула назад, прижимаясь к холодной стене пещеры, и горячая вода, журчащая рядом, казалась теперь далекой, почти нереальной. Камень под ладонями был гладким, но холодным, контрастируя с жаром, что поднимался внутри.

Я не знала, чего ждать от Рокара. И именно эта неизвестность пугала, заставляя сердце биться чаще, а дыхание сбиваться.

— Ты мне отвратителен! — выкрикнула я, вкладывая в слова всю силу своего гнева. — Ведешь себя с женщинами, как животное. В тебе нет и капли благородства и уважения!

С этими словами я шагнула к нему, и прежде чем он успел что-либо сказать, моя ладонь с силой опустилась на его щеку. Звук удара отразился эхом в пещере, как громкий хлопок, и на его бронзовой коже остался красный след, похожий на отметину огня.

На миг воцарилась тишина, густая и напряженная, словно перед бурей.

О, нет, что я наделала?! Зачем позволила эмоциям взять верх?

Рокар замер. Его лицо, до этого бывшее наглым и уверенным, на секунду застыло, а затем вождь медленно выпрямился, и его тело начало меняться. Мышцы под кожей вздулись, становясь массивнее, на лбу проступили жилы, а боевые тени пробежали по его лицу, превращая его в грозного зверя.

Взгляд Рокара потемнел, в нем словно запылал дикий огонь. Орк стал казаться больше, шире, страшнее, его фигура заполнила пещеру, как воплощение первобытной силы.

Я отступила, дыхание перехватило, и я ждала удара, но он не поднял руку. Вместо этого он шагнул вплотную, и я ощутила жар его тела, смешанный с запахом кожи и едва улови-

мым ароматом крови.

Его пальцы, грубые и горячие, обхватили мой подбородок, крепко, но с властной нежностью, поднимая мое лицо, чтобы я смотрела в его глаза — глубокие, как бездонная пропасть.

— Придет время... и ты будешь моей, — прошептал он, но его голос был не голосом — рокотом грозы, хриплым, животным звуком, проникающим под кожу, как теплый ток.

Его дыхание, горячее, как пламя костра, коснулось моих губ, и я почувствовала, как колени подогнулись, а по спине побежали предательские мурашки, спускаясь к пояснице, пробуждая что-то дикое и запретное внутри.

Я хотела оттолкнуть его, но тело отказывалось повиноваться, замороженное его силой, его угрозой, его близостью.

Он задержал взгляд на моих губах, а его пальцы слегка сжали сильнее. В этом прикосновении было что-то магическое, опасное, от чего сердце замирало.

Затем он отпустил меня, настолько резко, будто только вспомнил, где находится, развернулся, не сказав больше ни слова, и впечатал кулак в скалистую породу пещеры.

Удар был настолько сильным, что глухой хруст каменной породы разнесся эхом, отрывая куски скалы, которые с грохотом упали в воду, разбрызгивая горячие брызги.

А следом... ушел. Так же неожиданно и стремительно, как и ворвался в мое пространство ранее.

Ноги мои дрожали, поэтому я опустилась на колени у источника, и только теперь осознала, как близко была к опас-

ности.

Правителям, императором, королям и прочим вышестоящим по социальному положению — нельзя перечить. Такие люди не выносят критики в свой адрес и отказов. И неважно, что Рокан всего лишь вождь орочьего клана.

В первую очередь он мужчина, чья гордость не имеет права быть задетой какой-то там девушкой, вроде меня. Рокан в любом случае выше меня по статусу. А я... мало того, что рискнула высказаться ему в лицо о своей неприязни, так ещё и ударила.

За такое Ксавирон отрубил бы руку. Так что... мне оставалось с ужасом гадать, какое наказание будет ждать меня за столь дерзкое поведение.

Вода плескалась у моих ног, ее тепло контрастировало с холодом, пробирающим меня изнутри. Его слова — обещание, звучащее как приговор, — эхом отдавались в голове, а в груди тлело что-то новое, пугающее и манящее, что я не решалась назвать.

Поцелуй говорит больше слов

Собрав остатки воли, я заставила себя выпрямить осанку и принять более уверенную позу.

Дрожь все еще колыхала тело, оставляя после себя горький привкус страха и смятения. Ноги подкашивались, но оставаться в пещере, где воздух был пропитан эхом его угрозы, пыльным запахом разбитого камня и остатками того жгучего напряжения, стало невыносимо.

Я быстро ополоснулась, словно хотела смыть не только грязь и усталость, но и следы того чувства, что оставил после себя Рокар. По необъяснимым причинам я все еще не могла забыть его уверенный взгляд, прикосновение, всего одно, но заставившее все внутри бурлить, подобно вулкану. И слова, что одним звучанием жгли так, будто являлись раскаленными углями.

Горячая вода, обжигающая и нежная, сомкнулась вокруг меня, отгоняя дрожь, но внутри все еще бурлило: смесь страха, злости и странного, необъяснимого возбуждения, будто в воздухе пульсировала нерастратенная энергия, готовая вырваться наружу. Я терла кожу с такой силой, что она покраснела, пытаясь стереть не только последствия сегодняшнего трудового вечера, но и ощущение близости незваного гостя.

И все же тревога, как черная тень, упрямо цеплялась за сердце, шепча о возможном наказании. Что если Рокар все

же поступит, как и любой человек, имеющий власть, и решит мне отомстить?

Выбравшись из воды, я вытерлась наскоро полотенцем, чья грубая ткань царапала кожу, накинула влажную тунику и, схватив факел, поспешила к выходу.

Ночь встретила меня прохладой, звезды дрожали в бездонной черноте, как хрупкий свет от свечей, а лагерь, наконец, утих, погружившись в сонное забытие. Только редкие голоса, приглушенные расстоянием, и потрескивание дров в остывающих кострах напоминали о жизни.

Шагая между лагеря шатров, я прислушивалась к каждому звуку — шорох ветра в кустах заставлял вздрагивать, хруст ветки под чьей-то ногой заставлял сердце замирать, и я то и дело оглядывалась, ожидая увидеть тень Рокара, его наглый взгляд. Факел в моей руке дрожал, отбрасывая неровные блики на мох под ногами, и каждый шаг отдавался в груди, как барабанный бой.

Добравшись до своего шатра, я вошла внутрь, откинув полог с такой поспешностью, что он хлопнул, как крыло встревоженной птицы, и почти мгновенно, положив ненужные вещи в сторону и скинув обувь, нырнула под одеяло, натянув его до самого подбородка.

Шкура, пропахшая дымом и травой, обняла меня, но тепло не могло разогнать холод, что пробирал до костей. Сердце колотилось, как пойманная птица в клетке, уши ловили малейшие звуки — шорох травы за стенкой, слабый вздох

ветра, чьи-то удаляющиеся шаги.

Я затаила дыхание, вцепившись в край одеяла так крепко, что ногти впились в ладони, ожидая, что тень Рокара возникнет в проеме. Но... этот кто-то просто прошел мимо, по все-му видимости, являясь лишь простым прохожим. Как только тяжелые шаги стихли, снаружи вновь воцарилась тишина, густая и зловещая, как предчувствие бури.

Я уже было пыталась мысленно себя обругать за нелепые глупости, что лезли в голову, и сомкнуть глаза, как вдруг...

Тишину разорвал глубокий и мягкий голос, несущий в себе тепло и тревогу.

– Лаура, – позвал Таргран, и полог шатра дрогнул, пропуская слабый луч света от затухающего костра. – Ты спишь?

Я замерла, узнав его голос, который прозвучал приглушенно, почти ласково, но с едва уловимым оттенком беспокойства.

– Еще нет, – ответила я тихо, голос мой дрожал, но я постаралась скрыть это, и полог снова шевельнулся, впуская его внутрь.

Он вошел, высокий и сильный, как всегда, но в его лице, освещенном тусклым светом, читалась усталость — тени под глазами, напряженные линии вокруг рта, словно он нес на плечах невидимый груз.

Таргран сел на корточки рядом с моим ложем, не вторгаясь в пространство, а просто... будучи рядом. Присутствие этого мужчины за время моего пребывания среди орков уже

стало для меня чем-то постоянным и странно утешительным, как маяк в бурном море.

Его бронзово-зеленая кожа блестела мягко в полумраке, а глаза, глубокие и теплые, смотрели на меня с такой заботой, что мое сердце дрогнуло, растаяв под этим взглядом.

– Прости, что не мог уделить тебе время ранее и тревожу в столь поздний час. Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке, – произнес он, его голос был низким, как рокот далекого грома. – Племя Рокара ушло.

– То есть... они все покинули твое племя, уйдя в ночь? – переспросила я, удивляясь подобной безрассудности.

Все тропы от племени Тарграна шли через лес, и я все еще прекрасно помнила, сколько опасностей он в себе таил. Поэтому для меня показалось странным решение Рокара увести своих соплеменников прямо сейчас. Почти сразу после того, как он...

Сердце екнуло, отдавая болью в груди.

Я не показала Тарграну ни страха, ни напряжения, что скрутило мне внутренности, и почему-то не хотела рассказывать ему о случившемся в пещере.

Возможно, потому что боялась, что он поймет, насколько уязвимой я себя тогда почувствовала, как дрожали мои колени под взглядом другого мужчины, как его слова все еще шептались в моей душе.

Или, быть может, я хотела сохранить этот момент — момент тишины и близости — нетронутым, как хрупкий цве-

ток, который боишься задеть.

– Да, – кивнул Таргран, и его рука невольно сжалась в кулак, а затем разжалась, словно он боролся с чем-то внутри. – Они решили отправиться на север, к своим землям. Переговоры закончились. Мы не пришли к согласию, но и не обострили ситуацию до вражды. Пока что.

– Что ж... Это, наверное, к лучшему, – попыталась поддержать диалог я, ничего не смысля в политике управления племенами, но неосознанно пытаясь оттянуть момент ухода Тарграна.

С ним было так спокойно, уютно... надежно. И совсем не страшно. Казалось, он мог защитить меня от всего мира.

Между нами повисла пауза. Я чуть приподнялась, опершись на локоть, отчего ткань одеяла соскользнула немного вниз, обнажив ключицы, бледные и уязвимые в свете факела.

И тогда взгляд Тарграна скользнул по моей коже, задержался на изгибе шеи, и в его глазах мелькнуло что-то дикое, быстро подавленное, прежде чем он отвел их, словно борясь с собой.

– Лаура, есть еще кое-что, о чем бы я хотел тебе сказать, – проговорил он слегка дрогнувшим голосом.

– О чем? – затаив дыхание, спросила я, почему-то мысленно возвращаясь к тому разговору между Тарграном и Рокарром, что случайно подслушала.

Может ли быть, что он хотел открыть мне? Но достойна ли я была такой чести, учитывая то, что произошло в пещере? Я

уже сама окончательно запуталась в себе и своих чувствах...

— Я не умею красиво говорить. Не привык к этому. Но когда смотрю на тебя... я забываю, что ты не из моего народа. Не из моего мира. Ты стала частью моего дыхания, частью огня, что горит в моей груди.

Мои губы задрожали, и я, не в силах больше выносить это расстояние, протянула руку, коснувшись его пальцев — грубых, но теплых, как земля после дождя в знойный летний день.

Он ответил, обхватив мою ладонь своей большой рукой, и его тепло проникло сквозь кожу, растопив ледяной узел внутри.

Мы смотрели друг на друга долго, без слов, и в его глазах я видела не только заботу, но и голод, сдерживаемый волей, и нежность, что пугала своей глубиной. Постепенно его дыхание смешивалось с моим, становясь единым целым, и воздух в шатре стал густым, словно пропитанным искрами, что вскоре станут грозой.

Он медленно приблизился, его взгляд искал ответ в моих глазах, что я не отводила, чувствуя, как сердце замерло в груди. Что он задумал?

Его лицо было так близко, что я ощутила запах кожи, смешанный с дымом костра и терпким ароматом трав, который всегда сопровождал его. И тогда... Таргран поцеловал меня.

Это был не поцелуй завоевателя, не вспышка дикой страсти. Он был глубоким, теплым, как огонь в очаге, что согреть

вает в холодную ночь, и в то же время ласковым. Его мягкие и решительные губы прижались к моим, и я ощутила в них все — сдерживаемую нежность, силу, что таилась в нем, обещание защиты и трепет, от которого моя душа, казалось, взлетела над телом.

Сердце забилося так сильно, что я потеряла дыхание. Никогда не испытывала ничего подобного! Мой опыт в поцелуях приравнивался к нулю, поскольку ранее я искренне считала их исключительно бесполезным занятием, годных разве что только на то, чтобы обмениваясь ими во время брачной церемонии с будущим супругом.

Но сейчас... этот поцелуй не был похож ни на что, что я могла вообразить — он будто обнимал меня изнутри, проникая в самые потаенные уголки, и в то же время заставлял дрожать каждую клеточку, пробуждая что-то новое, чистое и головокружительное.

Рука Тарграна скользнула на мою талию, притягивая меня ближе, и я ощутила всю силу его тела. В этом прикосновении не было грубости — только тепло и обещание, что заставило меня ответить.

Сначала робко, неуверенно, а затем смелее, мои губы двигались в такт его, и поцелуй углубился, становясь страстным, полным трепетной нежности, как будто мы выливали в него все, что не могли сказать словами.

Мои пальцы невольно вцепились в его плечи, ощущая под тканью твердые мышцы, и дрожь, оставленная Рокаром, сме-

нилась волнением совсем иного рода — живым, манящим, обжигающим.

Но на этом все и закончилось. Таргран отстранился, слегка касаясь своим лбом моего и пытаюсь отдышаться. А я... была в смятении, что окутывало меня с дрожащих даже в сидячем положении ног до покрасневшихся от новых чувств щек.

Я подняла глаза, собираясь было уже спросить Тарграна об истинном смысле того, что сейчас произошло, как вдруг наткнулась на его сияющий в полумраке взгляд. Взгляд, полный огня и нежности, обещающий не только заботу, но и... любовь.

Твоя воля — мой закон

Он так и не сказал ни слова. Просто внимательно смотрел на меня.

А я утопала в этом взгляде, чувствуя, как сердце мое плавится, как воск в пламени, растекается теплом по всему телу, оставляя после себя сладкую истому.

Никаких клятв и обещаний, но все уже было сказано без слов, в глубине его глаз.

Таргран почти невесомо провел большим пальцем по линии скулы, вызвав у меня судорожный вздох. Это прикосновение было таким бережным, будто я могла исчезнуть от одного его неосторожного движения.

Кожа его казалась неожиданно нежной, и я ощутила, как тепло его ладони проникает сквозь кожу, достигая самых потаенных уголков души. На мгновение я прикрыла глаза от ощущения невесомости, как будто земля подо мной перестала существовать, и я парила в пространстве, где оставались только мы двое, окруженные мягким гулом ночи.

– Мне нужно идти, – наконец произнес он, и голос его стал чуть глухим, как эхо в глубокой пещере, пропитанное усталостью и неохотой. – Уже поздно. Тебе нужно отдохнуть. Но...

Он наклонился ближе, и его теплое и пряное дыхание коснулось моей кожи, как легкий поцелуй ветра.

Губы его замерли у моего виска и задержались там. Таргран вдыхал глубже мой запах, словно он хранил его как оберег, как редкий цветок, сорванный в полях его родных земель.

Это прикосновение было мимолетным, но оно оставило горячий и трепетный след на моей коже, заставив сердце дрогнуть.

– Но, если ты попросишь остаться, то... Я не смогу тебе отказать, – хрипло прошептал он, и эти слова звучали, как обещание...

Я не ответила. Лишь потупила взор. Наши отношения развивались слишком быстро, и мне казалось это немного диким. Да, я испытывала неповторимые и трепетные чувства к Тарграну, но... Разве я сбежала от навязанного, нежеланного брака с императором, чтобы упасть в объятия другого мужчины?

Нет. Для начала мне нужно было разобраться в себе, а уже после отрывать сердце другому. Во всяком случае, если Таргран испытывает ко мне то же, что и я, то его это ни коем разом не спугнет. В противном же случае — такова воля богов.

Так и не услышав от меня желанных слов, он поднялся. Тепло его тела исчезло, словно отброшенное в сторону одеяло, оставив после себя пустоту, от которой стало физически холодно, как будто из шатра выдуло все тепло.

– Я все понял, Лаура. Я не зайду дальше, чем ты велишь. Твоя воля — мой закон, – кивнул с серьезным видом орк,

произнеся это искренне и приглушенно. – А сейчас отдыхай, тёплое сердце моё. Утро не осмелится прийти, пока ты не выплпшься.

Я же продолжала молчать, не в силах вымолвить ни слова, будто любое движение могло разрушить хрупкое волшебство этого момента, сотканное из тишины, взглядов и едва уловимого аромата его присутствия.

Таргран уже собирался откинуть полог шатра, и ткань дрогнула под его рукой, когда я, преодолев себя, произнесла едва слышно, почти шепотом, как дуновение ветра:

– Спасибо... что заботашья обо мне. Я правда очень это ценю.

Он замер. Его широкая спина напряглась, и на миг мне показалось, что Таргран обернется. Но вместо этого он лишь кивнул, не оборачиваясь, и этот жест был полон сдержанной силы и глубокой нежности.

Полог опустился за ним, и шатер погрузился в тишину, густую и мягкую, как бархатная ночь, что царила снаружи.

А я осталась окруженная его терпким и ставшим родным ароматом. Сердце колотилось в груди, как сумасшедшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.